

An own-created life conception regards as psychological new formation, that signifies crossing from childhood to maturity. A validity of this theoretical thesis proves scientifically. The author comes to light the mechanism of displacement of responsibility for a life from parents to a becoming adult subject. The methodological bases of the article are scientific works of S.L.Rubinstain, M.K.Mamardashvili, E.Ericson and G.S.Abramova.

УДК 159.9+612

Анна Яноха

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИЙ

Многие века люди задавались вопросом о природе эмоций и пытались её понять. Уже древние греки считали, что в зависимости от доминирования определенной «организменной жидкости» существует четыре типа эмоционального темперамента: сангвиник, меланхолик, холерик и флегматик. Собственно эта идея Гиппократов подтолкнула его последователей к поиску факторов, детерминирующих настроение и эмоции внутри организма, а со временем в нервной системе [1]. Платон считал, что местом зарождения эмоций является душа, и делил её на три части – разумную, чувственную, и, являющуюся посредником между ними, импульсивную [2]. Он ввёл новое понятие души, хотя это название хорошо было знакомо грекам и до него, но он придал ему новое содержание. До него философы-натуралисты считали душу разновидностью материи, орфейцы – неземным демоном. Платон эти концепции модифицировал и создал их оригинальный синтез [2]. Он утверждал, что происходящие от души страсти, желания и страхи делают наше мышление невозможным. Из его диалога «Пир» следует, что разум также содержит зачатки эмоций [3]. Согласно его точке зрения, эмоции являются чем-то вроде необъезженных коней, которые должны удерживаться интеллектом, исполняющим роль извозчика [4]. Фактически, Платон оперировал не одним, а скорее двумя понятиями души. Душа в первом значении охватывала чувственные и импульсивные функции, в другом – была самим разумом. Первое понятие среди последователей Платона развил Аристотель, второе обновили религиозно мыслящие представители заката древности, а развили представители христианства [2].

Аристотель выделяет три разновидности души. Растительная душа выполняет низшие функции – осуществляет питание и рост, но не способна к восприятию. Этой способностью обладает душа более высокого порядка, т.е. душа животная. С восприятием связано удовольствие и неудовольствие, а с ними – желание удовольствия и тяга к избеганию неудовольствия, следовательно, только животная душа имеет чувства и влечения. Однако существует еще более высокий порядок – мыслящая душа, присущая только человеку. Высшей способностью мыслящей души является разум, который познает как быт, так и добро, признавая, что добро управляет волей и делает так, что воля становится разумной [2]. Происходящие из мыслящей души эмоции могут быть только мысленными интерпретациями ситуаций, в которых мы находимся [5]. Эта линия продолжилась в значительно более поздних работах Картезиуса (Рене Декарта) и Спинозы и гармонично вписалась в когнитивное учение, которое подчинило психологическую мысль в середине XX столетия.

В своей «Риторике» Аристотель определяет эмоции как «то, что приводит к такой перемене состояния человека, что недоразвитой остается его способность оценки, и чему сопутствуют удовольствие и боль. Примерами эмоций являются: злость, страх, жалость и т.д., а также их противоположности». Аристотель подробно описывает некоторые эмоции, а в особенности злость, которую представляет в удивительно современных категориях. В своем анализе злости он принимает во внимание характерный познавательный компонент, определенный социальный компонент, бихевиористическую тенденцию, а также проявление физического возбуждения. Он также дополняет, что физический либо психический дискомфорт способствует появлению злости. В свою очередь, в «Этике Никомаха» он подробно описывает страх, сравнивая его с отвагой, которая может основываться на проявлении соответствующего уровня страха дале-

кого от лихости и от трусости. Так, следовательно, эмоции – это основной элемент «хорошей жизни», а анализ их природы становится интегральной частью всякого этического анализа. Аристотеля, который отличался удивительной дальновидностью, можно считать предшественником современных теорий эмоций [6].

В культуре Древнего Рима доминировали стоики, которые воспринимали эмоции как ошибки, которые делают нас несчастными. Сенека и Хрисипп сформулировали классическую познавательную теорию эмоций, согласно которой эмоции – это оценки, касающиеся мира и места человека в мире, который не поддается контролю и превосходит все разумные ожидания, в связи с чем, эмоции являлись для них ошибочными оценками, касающимися жизни, вызывающими страдания и фрустрацию. Выходом из ситуации могло быть «психическое безразличие» или апатия. Стоики в противоположность Аристотелю считали, что условием «хорошей жизни» является осознание полной бессмысленности эмоциональной вовлеченности [6].

Одновременно с появлением последних древних систем началось развитие новой философии – философии христианства, которая доминировала несколько столетий. В это время выделяют два периода: первый продолжался до VI века и являлся периодом формирования и формулирования основных доктрин христианской философии и назывался патристикой. Второй период, называемый схоластикой, после застоя, который продолжался пару веков, начался около VIII века и продолжался почти до конца XIV века, охватывая время средневековья [2]. Средневековые раздумья об эмоциях имели принципиальное значение для христианской психологии. По примеру стоиков больше всего внимания посвящалось познавательным и волевым аспектам эмоций [5]. Принимая во внимание, что в христианской теологии эмоции отождествлялись с грехами или искушениями, перед которыми должен устоять рассудок, они по природе вещей считались чем-то злым, а их проявление чем-то, со всех сторон осуждаемым [5]. Эта, характерная для христианства заинтересованность грехом, породила мелкий анализ тех эмоций, которые считались греховными (например, жадность, гнев, зависть, высокомерие), в то же время наивысшие добродетели, такие как вера, надежда и любовь, не классифицировались как эмоции. Фома Аквинский наделял их высшим статусом и ставил вровень с разумом, когда признание высших добродетелей эмоциями в те времена казалось неуместным [6].

Новый взгляд на эмоции принес XVII век и теория, признанная французским философом, физиком и математиком Рене Декартом (Картезиусом), создателем современного реализма, основанного на принципе методического скептицизма [7]. Картезиус является общепризнанным философом, который перебрал мост между схоластическим миром средневековья и современностью [6]. Однако Декарт был, прежде всего, ученым, восхищающимся «природным светом разума» и согласно принципу «*cogito ergo sum*», разум был сознательным и всезнающим; разум и сознание стали синонимами. Аффекты (*passions*-влечения) в этом понимании были разными состояниями сознания [7]. В своем трактате «Страсти души» он замечает, что эмоции требуют взаимодействия тела и разума. Затем он развивает теорию, согласно которой разум и тело «встречаются» в малой железе в области ствола мозга (эпифизе). Там тело влияет на разум посредством «жизненных дыханий», или малых частичек крови, которые вызывают эмоции и их физические проявления в разных частях тела. Согласно Картезиусу, эмоции не ограничиваются только телесной

перцепцией, но могут также основываться на перцепции души. Он признал эмоции разнообразностью «страстей», которые приводят к тому, что наши оценки становятся «путанными и неясными», и хотя он и причислил эмоции к страстям особенно хлопотным, однако считал, что они поддаются влиянию разума [6]. Он считал, что «жизненные дыхания» есть у разных индивидов независимо от их темперамента, поэтому производят разные аффекты. Картезиус, предвосхищая современную психологию, наделял эмоции такими особенностями, которые побуждают душу к действию. А все их сложное разнообразие свел к небольшому числу простых и первичных эмоций, таких как: удивление, любовь, ненависть, влечение, радость и грусть [2]. Картезиус считал аффекты благотворными фактами, склоняющими нас к тому, что полезно и остерегающими от того, что вредно. Он также предостерегал от того, что они могут превратиться во зло и, таким образом, теория аффектов привела его к формулировке этического правила: господствовать над аффектами и удерживать их в границах полезности. Через свою теорию он ввел прозрачность в деление психологии, которое казалась особенно неясным. Он этим возбудил понятное восхищение, и с этого времени теория аффекта вошла в постоянный репертуар философии XVII века, а во многих фрагментах не утратила актуальности до сих пор [2].

Очередным мыслителем того периода был Барух Бенедикт Спиноза, которого можно с успехом признать современным стоиком. Он, как и стоики, считал эмоции формами мысли, которые чаще приводят к ошибочной интерпретации мира, а в результате провоцируют страдания и фрустрацию, однако, в отличие от них не тосковал до апатии [6]. В «Этике» Спиноза призвал стремиться к определенному состоянию «блаженства», которого можно достичь исключительно после коррекции способа мышления о мире, достаточно бросить идею, что человек в состоянии контролировать собственную жизнь. Однако проявлением нашей истинной природы являются открытые эмоции, которые повышают ощущение активности и обостряют сознание. Спиноза сформулировал раннюю версию познавательной теории эмоций [8].

Развитие в исследовании эмоций принесло Просвещение. Одним из наиболее радикальных просветителей того периода был Дэвид Юм. В своем знаменитом труде «Трактат о человеческой природе» он непоколебимо утверждал, что источником мотивации к добру и злу являются людские страсти, которые не следует отсылать на периферию этики и философии, а необходимо сделать их центром внимания и заслуженного уважения. Согласно Юму, эмоции нельзя отождествлять лишь с впечатлением или постижением, скорее следует рассматривать их в контексте всего комплекса впечатлений и идей. Подчеркивая значение идеи, он признал существование того, что сегодня мы называем познавательным измерением эмоций, помимо физиологического аспекта – «жизненные дыхания» и чувственного – «впечатления». Он также боролся с проблемой интенциональности эмоций. Юм создал теорию эмоций, которая свидетельствует об удивительной интуиции и представляет собой первую попытку борьбы с проблемами множества последующих поколений [6]. Юм и его друг Адам Смит обратили внимание на значение моральных чувств, среди которых наиболее важным признали сострадание. Они считали, что сострадание представляет собой универсальное человеческое свойство, а также фундамент общества и моральности. В своей работе «Богатство народов» Смит утверждает, что эмоции – это не трудная проблема, а скорее сущность общественного существования и моральности. Не следует их ни сравнивать с разумом, ни ему противопоставлять, но следует почитать и уважать [9].

Очередным провозгласителем идей просвещения был Иммануил Кант, который был непоколебимым защитником рационализма. Несмотря на то, что он не видел потребности в формулировании теории эмоций в целях дополнения своей обширной критики разума, его уважение к чувствам было значительно большим, чем раньше считалось. Собственно Кант, а не Гегель, которому приписывается это утверждение, предположил, что «ничего великого на свете не произошло без участия страсти». Гегель был последователем Канта, а его эпохальный труд «Феноменология духа», несмотря на то, что

должен был быть поиском правды о разуме, был справедливо назван «логикой страсти» [6].

Во второй половине XIX века немецкая философия находилась под влиянием Фридриха Ницше, для которого страсть являлась ключевым словом, а разум казался сомнительным. Как и Фрейд, Ницше описывал и славил мрачные, наиболее инстинктивные и наименее рациональные аспекты людского разума. В своем труде «Генеалогия морали» прославлял страсти и парадоксально приписывал им больше рассудка, чем самому разуму. Он не утверждал, что все страсти являются мудрыми, а к тому же, они могут быть обманчивыми и хитрыми и могут привести к покорению хвалебным эмоциям и что еще хуже, привести к соглашательству на посредственность [6].

Биологическим исследованиям эмоций положил начало Чарльз Дарвин, который первым сделал акцент на поведении и экспрессии эмоций. В своем известном труде «О выражении эмоций у человека и животных» выдвинул тезис о том, что эмоциональные образцы являются наследуемыми врожденными реакциями, независимыми от воли, биологическая польза которых подтвердилась эволюцией. Работы Дарвина доказали, что двигательные и мышечные механизмы, посредством которых человек выражает эмоции, эволюционировали из механизмов сходных с теми, которые имеются у одомашненных млекопитающих. Это дало необходимые основания для более поздних нейробиологических исследований с использованием подопытных животных [1].

Через два года после смерти Дарвина переломом в раздумьях оказалась публикация статьи Уильяма Джеймса «What Is an Emotion» («Что такое эмоция»), который был опубликован в 1884 году в журнале «Mind». Эта статья была глубоко существенной, главным образом, с точки зрения подхода Джеймса к данной теме. Эмоции он понимал в категориях определенного течения событий, которые начинаются от проявления раздражителя и заканчиваются сознательным эмоциональным переживанием [5]. Выяснением этого хода событий, которые происходят в период между началом действия раздражителя и появлением ощущения, занялся независимо от Джеймса датский физиолог и психолог Карл Георг Ланге. Они первыми обратили внимание на связь эмоций с вегетативными реакциями, и возникла так называемая, внутренняя теория эмоций. Они считали, что физиологические изменения не являются последствием испытываемых эмоций, но являются их источником, и лишь их восприятие вызывает субъективные чувства. Они также думали, что физиологические изменения отличаются для каждого вида эмоций [1]. Множество наблюдений и опытных исследований достаточно быстро подорвало эту теорию. Например, установлено, что симпатэтомия не исключает эмоциональных реакций, а также, что одни и те же вегетативные изменения характерны для разных эмоций [1].

В начале XX века в психологии доминировали бихевиористы, которые считали, что такие субъективные состояния знания, как, например, восприятие, память, воспоминания и эмоции, не являются проблемами, которые можно подвергнуть научному анализу. Согласно их мнению, психология должна заниматься анализом и выявлением наблюдаемых фактов, а также объективно измеряемого поведения, а эмоции, как и другие сознательные процессы, они трактовали как способы действия в определенных ситуациях. Поскольку сознание не поддается наблюдению и является субъективным, оно не может становиться предметом научных исследований, а бихевиористы высмеивали каждого, кто осмеливался говорить о разуме и сознании [5]. Несмотря на это, не было недостатка в тех, кто продолжил исследования, начатые Джеймсом и Ланге.

Исследования, показывающие, что эмоции провоцируют возбуждение центральной нервной системы, положили начало новой волне в исследовании эмоций. В 20-е годы прошедшего столетия Уолтер Б. Кеннон – выдающийся психолог, изучающий физиологические реакции, происходящие во время голода и переживания интенсивных эмоций, выдвинул гипотезу о «реакции готовности». Реакция готовности иначе называется «реакцией борьбы или бегства» и является приспособительной реакцией, которая возникает в предчувствии значительных энергетических затрат, что случается в эмоциональных состояниях [5]. Физиологические проявления, сопровождающие эмоции, являлись во времена Кеннона хорошо известным признаком активизации чувстви-

тельной части автономной нервной системы. Считалось, что действует он всегда одинаково, независимо от того, как и зачем был активизирован [5]. Имея в виду вышеизложенные факты, Кеннон пришел к выводу, что физиологические реакции, сопровождающие разные эмоции, должны быть сходными. Он также заметил, что реакции автономной нервной системы являются слишком свободными, чтобы с их помощью можно было объяснить чувства. Разгадка тайны эмоций заключается, согласно Кеннону, в мозгу, который не нуждается в прочтении реакций тела. Он заслужил славу не только за атаку на теорию Вильяма Джеймса, но также за собственную нервную теорию эмоций [5]. Изначально он был приверженцем «таламической концепции», согласно которой очагом эмоций считается таламус, главным образом в связи с его ролью в перцепции, а также описанные в начале XX века, поразительные эмоциональные изменения после его повреждения [1]. Однако уже в 30-е годы прошедшего столетия, после серии опытов, проведенных в его лаборатории Филипом Бардом, состоящих в удалении коры и промежуточного мозга у котиков, признал гипоталамус ключевой структурой в экспрессии эмоций [1]. Хотя Кеннон и Бард исключили кору из цепи событий, приводящих к эмоциональным реакциям, но не исключали возможности, что она может выполнять какую-то роль в образовании эмоций, и в частности, в сознательном переживании эмоций или в ощущении. В противоположность Джеймсу, они считали, что процессы, ответственные за эмоции в целом, возникают в мозге, а главным центром этих процессов является гипоталамус, который посылает импульсы в двух направлениях: к телу в целях торможения эмоциональных реакций и к коре, высвобождая эмоциональные переживания [5].

Очередным необычайно существенным моментом в исследованиях эмоций стал 1937 год, когда Джеймс Папез описал одну из наиболее влиятельных теорий эмоционального мозга. Он считал, что эмоции переживаются сознательно и зависят от познавательных процессов. Опираясь на опыты, доказывающие существенную роль гипоталамуса в экспрессии эмоций, считал, что может существовать двусторонняя коммуникация между гипоталамусом и высшими корковыми центрами [1]. В результате этого появилась теория, объясняющая субъективные переживания эмоций как результат передачи информации через круг анатомических соединений, приводящих от гипоталамуса к околоцентральной зоне коры и обратно к гипоталамусу. Собственно эти соединения называются эмоциональным кольцом Папеца [5]. В соответствии с его гипотезой гипоталамус имеет ряд соединений с передним таламусом с поясной извилиной. Эмоциональные проявления возникают в ту минуту, когда поясная извилина интегрирует сигналы, приходящие из чувственной коры и гипоталамуса. Придерживаясь этой гипотезы, он предлагал признать, что переднее ядро таламуса является передающей станцией, соединяющей сосцевидные тела с поясной извилиной. Кольцо не заканчивается в этом месте, так как изгиб кольца посылает импульсы к гипоталамусу, откуда они направляются обратно к гипоталамусу и так замыкается кольцо эмоций [5].

Теория Папеца не принимала во внимание значение миндалевидного тела в эмоциональных процессах, но, несмотря на это, осталась важным эпизодом в истории исследований эмоционального мозга, поскольку стала отправным пунктом для формулировки теории лимбической системы. Одновременно с опубликованием теории Папеца появилась первое из серии сообщений Генриха Клувера и Паула Бьюси, описывающее спектакулярные проявления эмоциональных изменений после повреждения височных долей у обезьян [1]. Этим симптомам, известным сегодня как комплекс «Клувера-Бьюси», дали название «психическая слепота» для подчеркивания того факта, что животное с абсолютно хорошей способностью видения оставалось слепым к психологическому значению раздражителей [10].

Исследования нервных основ эмоций прервала вторая мировая война, но снова они набрали скорость в 1949 году, когда Паул Маклейн вернулся к теории Папеца, объединив ее с открытиями Клувера и Бьюси, а также фрейдовской психологией [5]. В результате многочисленных исследований и клинических сообщений Маклейн включил в кольцо Папеца миндалевидное тело, перегородку, кору нижнеглазной извилины и части основных ядер [11]. Годы работы привели его к созданию общей теории, согласно которой, в мозгу существует лимбическая система, а наши эмоции являются ее про-

изводными. Этот взгляд основывался на предположении, что эмоции являются однородной способностью разума и что для посредничества в их передаче сформировался однородный мозг – унифицированная система [5].

В середине XX века возникло когнитивное учение, названное новой наукой о разуме. Она является учением всего лишь об одной части разума, на которой основываются мышление, рассуждение и интеллект, в то же время эмоции не входят в сферу его интересов [12]. Когнитивное учение становится революцией в психологии, сбрасывая с трона бихевиоризм и возвращая разуму надлежащее место, но это уже не был всезнающий сознательный разум, идеи которого распространял Картезиус. Когнитивисты трактуют разум как приспособление для обработки информации, говорят о сознании как о конечном результате обработки информации, но намного больше их интересуют процессы, лежащие у порога сознания, чем содержание, которое является их результатом. Акцент на происходящие за пределами сферы сознания процессы, противопоставление содержанию сознания, является характерной чертой большинства когнитивистских работ. Психолог Джон Кихлстром назвал эти скрытые процессы когнитивным бессознательным [5].

Тот факт, что значительная часть переработки информации происходит бессознательно/неосознаваемо, позволил когнитивному учению исследовать разум, не занимаясь проблемой сознания, т.е. эмоции, как субъективные состояния сознания не вписывались в когнитивные подходы к разуму. Однако даже когнитивисты не были в состоянии удерживать динамичное развитие теорий и исследований эмоций.

В 60-е годы прошедшего столетия У. Наута создал концепцию лимбико-среднемозгового круга в связи с тем, что средний мозг очень тесно связан с миндалевидным телом и гипоталамусом. И именно гипоталамус спустя несколько десятилетий стали считать наиважнейшим звеном центральной системы контроля эмоций. Это имело свое обоснование с учетом ключевого значения в интеграции автономной и нейрогуморальной активности, что позволяет организму адекватно реагировать на раздражители с условием выживания [1].

Долгие годы проблема отнесения эмоций к механизмам на уровне анатомических структур мозга казалась решенной. Однако в начале 80-х понятие лимбической системы подверглось острой критике. В настоящее время считается, что это неточное понятие как на структурном, так и на функциональном уровнях [11]. Доказано, что нет однозначных критериев, определяющих, какие структуры и пути должны быть включены в лимбическую систему [13]. Стандартный критерий, т.е. существование связей с гипоталамусом расширяет лимбическую систему так, что охватывает она структуры на всех уровнях центральной нервной системы от новой коры до спинного мозга [11]. Обосновано также, что структуры, традиционно причисляемые к лимбической системе, такие как гипоталамус, сосцевидные тела, играют значительно более важную роль в познавательных процессах, чем в процессах эмоциональных [14].

Лимбической структурой, всегда, в различных ситуациях включенной в эмоциональные процессы является миндалевидное тело. Первоначально считалось, что в гипотезе, касающейся функций лимбической системы, оно выполняет подчиненную функцию, а главная роль в ней приписывается структуре гипоталамуса. Миндалевидное тело не упоминалось даже как часть кольца Папеца [11]. Если бы не это, связь между эмоциональными функциями и классическими лимбическими областями не казалась бы такой очевидной столько лет [15].

Открытия конца XX века привели многих исследователей к выводу, что миндалевидное тело исполняет существенную функцию в приписывании чувственным событиям аффективного значения [11]. Эта структура находится в глубине брюшной части височных долей и является комплексом ядер, отличающихся цитоархитектоникой, биохимическим составом и функциональными особенностями [1]. Как её расположение, так и необычайно богатая сеть с системой неповторимых внутренних и внешних связей лежит в основе выполняемых функций. Основная боковая часть миндалевидного тела является главным входом для сенсорной информации, которая доходит из корковых сенсорных отделов всех модальностей (слуховой, зрительной, обонятельной и соматосенсорной), также из коры предло-

ной и структур околоцентральной височной доли (гиппокамп и коры околообонятельной зоны), а также непосредственно из чувственных ядер таламуса. Чувственная информация, как с таламуса, так и из коры входит в миндалевидное тело через его боковое ядро, где интегрируется с информацией, поступающей из других отделов, а затем доходит до срединного ядра, которое высылает проекцию к гипоталамусу, среднему мозгу и стволу мозга, в том числе к главным скоплениям нейронов моноаминергических и холинергических основных ядер. Такая организация связей делает возможной конвергенцию чувственной информации, доступ к хранилищам памяти, а также модуляцию перцептивных процессов, дает возможность анализа и интеграции комплексных сенсорных сигналов, а также переработку их в эмоциональные раздражители, выполняя одновременно его ценностную трансформацию [1, 11].

Эмоции появились в филогенетическом и онтогенетическом развитии человека очень рано, что свидетельствует о том, что они играют особую роль в жизни человека и выполняют функцию идентификатора отношений между человеком и средой. Они также сопровождают мышление, поведение и выражение содержания, могут также существенным образом менять то, что мы получаем и то, что передаем [16]. С точки зрения своей необычайно сложной природы, они стали проблемой междисциплинарной, а, следовательно, предметом изучения многих ученых, представляющих различные области науки. Несмотря на огромный прогресс, который был достигнут в этой области в последние годы, до сих пор нет единой общепринятой дефиниции эмоций, а каждая точка зрения подчеркивает иной, необычайно важный аспект этого явления.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Zagrodzka, J. Neurofizjologiczne mechanizmy zachowania emocjonalnego / J. Zagrodzka // *Mózg a zachowanie*. Т. Górska, A. Grabowska, J. Zagrodzka (red.). - Warszawa: PWN, 2005.
2. Tatarkiewicz, W. Historia filozofii / W. Tatarkiewicz. Т. I-III. PWN, - Warszawa: PWN, 1988.
3. Platon. Uczta / Platon. Przekład: W. Witwicki. - Kęty: Antyk., 2002.

4. Flew, A. Body, mind and death / A. Flew. - New York: Macmillan, 1964.
5. Le Doux, J. Mózg emocjonalny / J. Le Doux. - Poznań: Media Rodzina, 2000.
6. Solomon, R. C. Filozofia emocji / R. C. Solomon // *Psychologia emocji*. M. Lewis, J. M. Haviland-Jones (red.). - Gdańsk: GWP, 2005.
7. Nowy Leksykon PWN. - Warszawa: PWN, 1998.
8. Spinoza, B. Etyka w porządku geometrycznym dowiedziona / B. Spinoza. Przekład: I. Myślicki. - Warszawa: AKME, 1991.
9. Smith, A. Teoria uczuć moralnych / A. Smith. Przekład: D. Petsch. - Warszawa: PWN, 1989.
10. Gaffan, D. Amygdala and memory of reward / D. Gaffan // *The amygdala: Neurobiological aspects of emotion, memory and mental dysfunction*. J.P. Aggleton (red.). - New York: Wiley-Liss, 1992.
11. Le Doux, J., Phelps, E. A. Sieci emocjonalne w mózgu / J. Le Doux, E. A. Phelps // *Psychologia emocji*. M. Lewis, J. M. Haviland-Jones (red.). - Gdańsk: GWP, 2005.
12. Gardner, H. The mind's new science: A history of the cognitive revolution / H. Gardner - New York: Basic Books, 1987.
13. Swanson, L. W. The hippocampus and the concept of the limbic system / L. W. Swanson // *Neurobiology of the hippocampus*. W. Seifert (red.). - London: Academic Press, 1983.
14. Squire, L. R., Zola, S. M. Struktura i funkcja deklaratywnych i nondeklaratywnych systemów pamięci / L. R. Squire, S. M. Zola // *Proceedings of the National Academy of Sciences. USA* 1996, 93, 13515-13522.
15. Le Doux, J. Emotion and the amygdala. The amygdala: Neurobiological aspects of emotion, memory and mental dysfunction / J. Le Doux // J. P. Aggleton (red.). New York: Wiley-Liss, 1992.
16. Lipczyński, A. Osobowościowe i biologiczne uwarunkowania samokontroli emocjonalności / A. Lipczyński, www.psychiatria.pl/archiwum. Wprowadzono do archiwum 30.01.2002.

Материал поступил в редакцию 04.11.08

YANOHA ANNA. A history of research of emotions

Clause is devoted to the theoretical analysis of the basic sights, theories, approaches to study of a nature of emotions in various epoch and different branches of scientific knowledge. The historical sequence and continuity in change of sights on a nature of emotions from ancient Greek ideas before modern representations shown. The evolution of representations about a role of various structures of the central nervous system analyzes: subcortical of educations, almonds of a body, thalamus and hypothalamus of areas, limb of system and hippocamp in mechanisms of occurrence and display of emotions.

УДК 4 И (НЕМ)

Былинович В.Н.

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ И АСПЕКТЫ ЕЁ ИЗУЧЕНИЯ

Введение. Как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике проявляется заметный интерес к проблеме научно-технической терминологии. Этот интерес не случаен, он продиктован прогрессом общества, современный этап которого характеризуется бурным развитием всех отраслей науки и техники. Научно-техническая революция порождает массу новых специальных понятий, соответственно которым в языке возникают новые, адекватно отражающие эти понятия наименования как единицы терминологической лексики.

Терминологическая лексика считается постоянно растущим слоем словарного состава языка. Изучение структуры и семантики терминологии представляется актуальной задачей лингвистических исследований ещё и потому, что именно важной необходимостью общества становится и уже стал обмен научно-технической информацией, наличие информации из имеющихся на разных языках источников. Слова-термины, как известно, включают в себе основную

долю научно-технической информации.

Нельзя не отдавать себе отчёта в том, что в области терминологии как отраслевой части лингвистических исследований есть на сегодняшний день много нерешённых и спорных вопросов.

Анализируя работы отечественных и зарубежных лингвистов, можно отметить, прежде всего, различный подход к понятиям «термин», «терминология», а в связи с этим и различия в понимании терминологии как предмета исследования. Так, в работах немецких лингвистов используются обозначения «Fachsprache», «Terminologie», «Sondersprache», «Beruflexik» [1] и др. В.Шмидт, употребляя термин «Fachsprache», считает это целесообразным с точки зрения коммуникативного акта и понимает его как оптимального взаимопонимания в какой-либо специальной области (отрасли) науки или техники. Аналогичное толкование термина «Fachsprache» можно найти у Рейнхардта, уделяющего много внимания терминологии

Былинович Василий Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков технических специальностей Брестского государственного технического университета. Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.